

МЕРТВОЕ МОРЕ

Тим Кэррэн

Полтергейст Пресс

УДК 82-3
ББК 84(7Сое)6-4

Полтергейст Пресс

ТИМ КАРРЭН

Мертвое море / Тим Каррэн — Полтергейст Пресс, 2020. — 418 с.

ISBN: 978-1-913138-26-4

Загадки Саргассова моря, или Моря Потерянных Кораблей, не одно десятилетие будоражат умы людей. Команде и пассажирам судна «Мара Кордэй», направлявшегося во Французскую Гвиану, изменила удача, и они оказались пленниками загадочного тумана, что перенес их в края, где бунтуют законы физики и представители местной экзотической фауны не прочь полакомиться человеческим мясом. Неудачливым мореплавателям предстоит столкнуться не только с морскими чудовищами и природными аномалиями: в тумане их ждет нечто гораздо более страшное, противное человеческой логике. Отдавшись борьбе со враждебной действительностью и собственными страхами, движимые одной лишь надеждой на возвращение домой, герои плывут навстречу неизведанному, стараясь не утратить самого главного — человечности.

Первое Издание
Публикуется по договоренности с автором

© Полтергейст Пресс, 2020
© Tim Curran, 2007
© Т8 Издательские технологии, печать 2020

ISBN: 978-1-913138-26-4

www.poltergeistpress.com

ПРОЛОГ

ДЬЯВОЛ ИЗ ГЛУБИН

Y же три дня.

Три дня он дрейфовал в зловонной клетке тумана.

Стайлз был совершенно один в маленькой корабельной шлюпке — уже не человек, а что-то бледное, молчаливое и ждущее, нечто маленькое и экзистенциальное, боящееся взглянуть в туман, боящееся слушать, потому что, если прислушаться, можно было услышать звуки, жуткие, зловещие звуки, которые...

Но Стайлз не слушал. «Я совершенно один, а в тумане ничего нет», — он должен был помнить об этом.

Итог кораблекрушения и его ссылки в мертворожденные воды — ни пищи, ни воды, ни надежды. Лишь молчаливое, неподвижное море, туман, горло, распухшее и красное от криков о помощи, и осознание того, что она не придет.

Стайлз был одинок так, как если бы заблудился на Марсе или провалился в черную бездну за пределами Вселенной. А еще он был напуган. Лежал в шлюпке, стараясь уловить шум парусов, весел или звон судового колокола, но ничего не слышал.

Ничего, кроме тумана.

Ведь если нечего слушать, кроме бумажного шелеста собственного сердца или скрежета воздуха в легких, начинаешь слушать туман, как Стайлз, и вскоре понимаешь, что на самом деле это поток живой органики: можно услышать бегущую по его венам кровь, гудение нервных окончаний и далекий, порывистый звук дыхания.

Кругом только серый туман, пахнущий гниющими водорослями и выброшенными на берег мертвыми существами, что колышется и обволакивает, как заплесневелый, влажный саван, состоящий из гнилостного газа, слизистой взвеси и чьего-то незримого присутствия. Густой, жадный, гнетущий и удручающий.

В первый день Стайлз был поражен его очертаниями и плотностью. На второй возненавидел его полноту, целостность и то, как щупальца тумана скользили над шлюпкой и искали его. На третий день Стайлз начал бояться тумана, услышав доносиившиеся из него звуки: голоса морских кошмаров, которым тот служил обиталищем, тварей, что ждали, когда Стайлз упадет за борт, чудовищ с желтыми глазами, щупальцами и острыми, как ножи, зубами, — злобных порождений глубин.

Стайлз без конца твердил себе: «Не думай об этом. Не думай ни о чем подобном, это всего лишь твое воображение», — уверевания, не лишенные здравого смысла, но едва ли достаточно убедительные. Он остался один на один со своим разумом, а тот играл с ним злые шутки. Говорил, что совершенно неважно, думает ли Стайлз об этих существах: главное — они думают о нем. Чистое сумасшествие, но оно заходило

все дальше... Разум спросил, не чувствует ли он их? Те черные, безумные ужасы из тумана, думающие о нем, нацелившиеся на него. И Стайлзу пришлось признать, что он чувствует. Действительно чувствует. Он мог бы поклясться, что в тумане что-то есть, было с того самого момента, как судно пошло ко дну, а Стайлз, дрожащий и ошеломленный, забрался в маленькую шлюпку.

Но что именно?

Что могло быть в тумане?

Он не знал, но был уверен, что они приближались: неописуемые твари, просачивающиеся в туман, ползающие, ухмыляющиеся мерзости с бездонными лунами вместо глаз, зараженные, больные сущности с грудами костей вместо разума, чудовища, чье дыхание — смрад кладбищ и гробниц, монстры со ртами, как у миног, жаждущие высосать из жертвы кровь и разум, ужасы, тянувшие к Стайлзу крючковатые, бесплотные пальцы.

«Заглуши свои мысли, заглуши их, — повторял он. — Иначе они услышат их и найдут тебя».

Сосредоточившись, Стайлз сжал свои мысли до размера светящейся булавочной головки, тонкой и хрупкой. Его разум схлопнулся и провалился на самое дно подсознания, и Стайлз оставил его там, спрятив от того, что обитало в тумане, звало и шептало на ухо непристойности.

Поэтому когда он увидел корабль, то усомнился в его реальности.

Стайлз моргнул, приказывая фантуму рассеяться, но этого не произошло: высокая бригантина приближалась, сотканная из тумана и прозрачно-белой эктоплазмы: иллюзия, тень, корабль-призрак — и ничего больше. Но он слышал ее, чувствовал ее безжизненность. Паруса безвольно свисали с гrott-мачты. Покачиваясь, болтались снасти, по которым, словно змеи, ползли щупальца тумана. Фок-мачта и кливер скрипели, как половицы в заброшенном доме.

И все же Стайлз не верил своим глазам.

Не поверил даже тогда, когда люди окликнули его с носовой палубы и спустили на воду лодку. Не верил, пока они не подплыли к нему на веслах и не коснулись его мокрыми, ледяными руками.

Тогда он закричал.

Стайлз плохо помнил свое спасение: лишь прикосновение рук и звук голосов, которые он не мог разобрать. Его лихорадило. Зубы стучали, конечности будто налились свинцом. Он слышал собственный голос, что-то скулящий о людях и голосах из тумана, безглазых лицах и белых, холодных пальцах. Помощник капитана сообщил ему название судна и имя своего командира, но Стайлз ничего не понял из услышанного.

Он то просыпался, то засыпал, снова и снова.

Так прошло несколько дней. Временами он приходил в себя и понимал, что смотрит широко раскрытыми глазами на игру теней в темных закутках каюты: они склонились под неправильными углами, впадали сами в себя, изменяя пространство, образовывали прямые пересечения и тут же исчезали. В остальное время ему снились существа из тумана: исполинские твари, не люди и не звери, гротескные космические призраки, живыми монолитами и ядовитыми тенями переползавшие из одного мира в другой.

В минуты ясности приходила жена капитана и кормила его с деревянной ложки горячим мясным бульоном. Иногда она пела ему и тихо, вполголоса, рассказывала о далеких, недоступных краях. Стайлз был уверен, что не раз слышал доносящиеся из недр корабля заунывные, полные печали звуки фисгармонии. Время от времени к спасенному заглядывал помощник капитана, расспрашивал, откуда Стайлз родом, как называлось его судно и как они оказались в ловушке тумана. Помощник много говорил о тумане, и Стайлз убеждался, что тот боится завесы, может быть, даже считает туман живым существом, огромным и голодным.

Однажды ночью помощник пришел с зажженной свечей в руке. Ее свет мерцал и скакал по стенам каюты — так сильно дрожала его рука. Он достал пистолет и сунул его Стайлзу под одеяло.

— Будьте осторожны, сэр. Будьте осторожны. Нас осталось всего десять человек, другие исчезли, сгинули в тумане... скоро мне тоже крышка. Туман зовет меня. Говорят, что я должен войти в него, рассказывает о том, как я встречу свой конец.

Когда на следующий день Стайлз ненадолго проснулся, до него донеслись звуки кипучей деятельности на палубе: стук молотков, скрежет пил, торопливые шаги и возбужденные голоса. Возможно, туман рассеялся и снова подул ветер? Стайлз надеялся, что это так, но не верил.

Посреди ночи он слышал крики людей, и продолжительный, нарастающий глухой звук, словно корабль обдувало шипящим, похожим на свист дыханием, и какое-то журжжание.

3

Стайлз проснулся, одолеваемый смутными предчувствиями. Дрожа и обливаясь потом, он упал с койки. Голова трещала. Несмотря на слабость и головокружение, он все же добрался до верхней палубы. Прислонившись к переборке, всмотрелся в пепельно-серый туман.

Корабль был пуст. Покинут.

Обратился гигантским гробом, скрипящим и стонущим. Туман навис над ним, словно чудовищный нарост плесени, спадая лентами с реей, мачт и бушприта.

Стайлз звал и кричал, но голос тонул в пустоте.

Он снова оказался один. Один на покинутом корабле, посреди проклятого моря.

С бешено колотящимся сердцем и кружашейся головой, он добрался до кают-компании и сразу заметил, что окна заколочены досками, словно корабль подвергся нападению. Но дверь была не заперта. Внутри, на первый взгляд, все было в порядке: карты и инструменты, мебель и одежда. Стайлз проковылял из каюты помощника в каюту капитана. Обе выглядели так, словно их хозяева вышли выкуриить по трубке.

Послышились голоса: шепот, бормотание и песнопения. Они доносились не с корабля, а из тумана, словно приближалась абордажная команда. Но с ними было что-то не так: голоса казались глухими, шипящими, искусственными, словно зацикленная магнитофонная запись, полная потустороннего треска.

Стайлз сказал себе, что их не существует.

Он отвернулся, прислонившись к двери каюты, зная, что забравшее экипаж корабля нечто теперь пришло за ним. Стайлз не хотел смотреть в лицо приближающейся судьбе, а она надвигалась — с шорохом, звуком шагов, скрипя ногтями по дереву.

Затем он обернулся, чтобы встретиться с кошмаром лицом к лицу, и крик вырвался из его горла.

Там ничего не было.

И никого.

Но он продолжал слышать призрачный шепот, шлепки босых ног, шуршание одежды. А потом в тумане появился холодный свет, яркий и пульсирующий, словно чай-то дурной глаз наблюдал за ним с другой стороны мглы.

Стайлз бросился внутрь, захлопнул дверь и заперся на засов. Он ждал и ждал, чувствуя, как оно приближается, наэлектризованное, едкое и смердящее. Сквозь щели в двери и заколоченных окнах он видел, как палубу охватило фосфоресцирующее свечение. Ослепляющее и жгучее, оно поглощало корабль. Стайлз услышал

пронзительный вóй, и то, что преследовало его все это время, просочилось внутрь сквозь дверь и стены в виде плотного тумана, полного злого умысла.

Он вскрикнул лишь раз.

В следующее мгновение туман прошел сквозь него, пронзая тело горячими иглами и ножками, заполняя его огнем, льдом и кислотой, вгрызаясь в мысли алмазными зубами. Стайлз почувствовал, как его разум кипит и плавится, вытекает из глазниц холодным, дымящимся соком. Плоть рассыпалась в прах, и кости с сухим стуком упали на палубу.

Наступила тишина.

Возможно, Стайлз не запомнил названия судна, но оно сохранится в истории. Течением его вынесет из тумана, и люди будут помнить его название — «Мария Селеста».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТУМАН

Xотя Джордж Райан никогда раньше не был на борту корабля, если не считать лодочной прогулки по озеру, он сразу понял, что ему что-то не нравится в «Маре Кордэй». Опытный моряк сказал бы, что с ней что-то не так, но Джордж не был моряком, не служил ни в военном, ни в торговом флоте. Он провел три года в армии, вдали от воды, простым рядовым в инженерном батальоне. В непосредственной близости от океана он оказался лишь во время шестинедельного пребывания в Эдвардсе, штат Калифорния, где они перекладывали покрытие взлетно-посадочных полос. На выходные они с группой товарищей выезжали в Вентуру позагорать, поплавать и поразвлечься с женщинами. И все.

Поэтому в море он был впервые.

Деньги деньгами, но он уже решил, что это будет первый и последний раз в его жизни.

Они отплыли в шесть утра, около двенадцати часов назад, и поначалу Джордж расхаживал по палубе как бывалый моряк. Он повсюду замечал зеленые лица коллег: они почти сразу стали жертвами морской болезни. Все, кроме Сакса, который не раз бывал в открытом море. Сильные волны и жестокая качка не особо влияли на Джорджа. Конечно, ему было сложно ходить по спардеку не шатаясь, к большому удовольствию членов экипажа, которые казались воплощением равновесия и контроля над собственным телом, а в остальном все было в порядке. Зря волновался и беспокоился.

В отличие от остальных, Джордж не собирался поддаваться морской болезни. Он бы устоял, как Сакс. Джордж был крепким парнем, он бы всем показал.

В Норфолке вечером, накануне отправления, Сакс предупредил всех, что с первого же дня у них будут проблемы:

— Море превратит вас в младенцев. Когда покинем сушу, вы, сосунки, будете плакать и звать маму, выблевывая собственные кишки.

Но Джордж решил, несмотря на свой страх перед морем, что справится с тошнотой, лишит Сакса удовольствия. Он хотел доказать горластому мачо, что тот заблуждается.

И он сделал это. О да.

Во всяком случае, пока они не достигли так называемого Кладбища Атлантики, что напротив мыса Хаттерас, — района бурных течений и частых штормовых ветров. Здесь теплый Гольфстрим, стремящийся на север, встречается с холодными водами Арктики. Как масло и вода, смешиваются они не очень хорошо. Море словно взбесилось, «Мара Кордэй» ответила тем, что у моряков называется легкой

качкой, но для желудка Джорджа это стало настоящим испытанием. Без лишних церемоний, его обед скоро попросился наружу.

После этого Джорджу, конечно, стало еще хуже.

У остальных к тому времени дела шли чуть лучше, но Джордж лежал на своей койке и чувствовал себя так, будто проглотил рой бабочек. Его мучила тошнота, пропибал пот, был озноб, голова кружилась настолько сильно, что он не мог даже встать, чтобы сходить в туалет. К нему заглянул Сакс — грубое загорелое лицо расплылось в ехидной ухмылке:

— Что, уже не так крут, а, Джордж?

— Да пошел... ты, — борясь с рвотными спазмами, выдавил Джордж.

Сакс был его боссом, формально — бригадиром, и ему нравилось, когда с ним пререкались, его это веселило. Джордж предполагал, что знание того, на какие кнопки давить, чтобы вывести человека из себя, поднимало Саксу настроение. Вот что за парень был Сакс.

Помощник кока дал Джорджу кое-какие лекарства. Через пару часов стало немного лучше: он хотя бы смог сесть.

Чуть позже, цепляясь за стены каюты, как пьяный слепец, Джордж добрался до иллюминатора и посмотрел на море. Оно было относительно спокойным, и все же судно швыряло и качало, как вагонетку на американских горках, хотя, возможно, Джорджу это только казалось.

— Боже, во что я влез? — застонал он, откинувшись на койку.

Если бы ему не были так нужны деньги и банк не выкручивал ему яйца, он никогда бы на это не подписался.

Даже закрыв глаза и погружаясь в сон, он не мог избавиться от чувства, что что-то в «Маре Кордэй» ему не нравится.

2

— **X**орошо идем, — сказал Кушинг, осматриваясь. Вода казалась почти черной под серым мартовским небом. — Полагаю, сейчас мы прямо над абиссальной равниной Хаттераса на краю Саргассова моря.

Фабрини вытер брызги воды с загорелого лица:

— Что, черт возьми, за абиссальная равнина, умник?

— Просто подводная равнина. Как на суше, только на глубине примерно в шестнадцать тысяч футов, — объяснил Кушинг.

Фабрини попятился от перил фальшборта.

— Черт, — воскликнул он, видимо испугавшись, что бушующая чернота сможет засосать его прямо с палубы.

Кушинг усмехнулся:

- Да. Я полагаю, Багамы и Куба сейчас к юго-востоку от нас.
- Куба? — переспросил Менхаус, прикуривая сигарету от окурка предыдущей. —
Будь я проклят!

Кушинг крепко вцепился в перила, крепче, чем остальные: когда ему было двенадцать, старший брат ради шутки столкнул его с моста в воду. Высота была небольшая, футов двенадцать. Он не пострадал и выплыл на берег целым и невредимым, но с тех пор любые перила заставляли его нервничать.

— Эй! Парни! — рявкнул старший помощник капитана Гослинг, проходя мимо. — Осторожней там, ради бога. Одна хорошая волна — и ваши задницы окажутся за бортом этой посудины.

Они проигнорировали его предупреждение, словно опытные мореходы, ведь посвящение было пройдено: морская болезнь и все остальное. Теперь они тертые калачи.

— Не беспокойся насчет нас, — рассмеялся Менхаус.

Он всегда смеялся.

— Да, не переживай, — сказал Фабрини.

— Ага, конечно, — проворчал Гослинг. — А потом мне придется вылавливать ваши задницы, пока до них не добрались акулы.

Все рассмеялись, и Гослинг пошел своей дорогой, что-то ворча себе под нос.

— Думаете, здесь действительно есть акулы? — поинтересовался Менхаус.

— Нет, он просто несет всякую чушь.

— Есть здесь акулы, — сказал Кушинг. — Мы же в океане, разве не так? Они тут, наверное, кишмя кишат.

— К черту все, — выругался Фабрини. — К черту эту брехню.

— Я как-то читал одну книгу... — начал Менхаус.

— Ты читаешь?! — фыркнул Фабрини. — Не врешь?

Менхаус хохотнул:

— Нет, я читал книгу о кораблекрушении. Там парня всю дорогу преследовали акулы.

Тему не поддержали. Об этом никто не хотел говорить. Еще за неделю до отплытия кораблекрушение как идею затерли до дыр, и она осталась у каждого в мозгу черной, гноящейся язвой.

— Слышали когда-нибудь о парне-скоростреле? — снова ухмыляясь, спросил Менхаус. — Этот парень терпит кораблекрушение и оказывается на острове. Находит бутылку, открывает ее и выпускает джина, прекрасную блондинку, вроде той телки из сериала про джина. Она говорит: «Я исполню любое твое желание, хозяин». И парень отвечает: «У меня два месяца не было женщины, а ты такая красивая. Я хочу заняться с тобой любовью». Девушка-джин качает головой: «Это запрещено, хозяин». Тогда парень говорит: «А если по-быстроенькому?»

Фабрини прыснул со смеху, несколько раз похлопав Кушинга по спине. Кушинг тоже рассмеялся, чуть крепче вцепившись в перила: видимо, испугался, что Фабрини сгоряча столкнет его в воду.

Тут налетел шквал соленого ветра, отчего их куртки затрепетали, словно флаги на мачте. Менхаус и Фабрини обхватили себя руками, чтобы защититься от холода, но Кушинг предпочел цепко держаться за перила. Он был начитанным человеком и в молодости буквально бредил морем, жадно проглатывал книги про морских существ, морские сражения, даже сборники морских легенд. Но теперь Кушинг понимал, что не читал ничего о том, как выжить при кораблекрушении. Эта мысль его беспокоила.

— А как насчет послушать про брата того парня? — продолжил Менхаус, заполучив слушателей. — Его смыло с той же лодки, но прибило к другому острову. Он находит бутылку, трет ее, выпускает девушку-джина. Она несет то же самое деръмо про исполнение желаний, и он говорит: «Хочу, чтобы у меня был такой длинный член, чтобы он волочился по земле». И девушка-джин укорачивает ему ноги до двух дюймов.

Все снова рассмеялись, и вновь налетел шквал, на этот раз идеально подчеркнув концовку. Кушингу пришло в голову, что море смеется вместе с ними... или над ними. Северный ветер едва не сбивал с ног, дергая за куртки и играя штанинами брюк. Брезент на спасательных шлюпках неистово хлопал.

Фабрини сказал:

— Пойдемте-ка внутрь. Пусть с этим морячки разбираются.

Снова подул мощный ветер, на этот раз сорвав с головы Фабрини бейсболку и отправив ее за борт.

— Черт! — воскликнул Фабрини. — Моя счастливая кепка.

Они с Менхаусом ушли, и Кушинг остался у перил один, даже не заметив их ухода. Он наблюдал, как кепку Фабрини уносит штормовым ветром. Она опустилась на волну и тут же на миг исчезла под гребнем следующей, но затем всплыла и продолжала держаться на поверхности, подпрыгивая на пенной ряби. Что-то серебристое поднялось из глубины и попыталось ее подтолкнуть.

К тому моменту кепку отнесло далеко в море, и Кушинг этого не увидел.

3

Когда на океан опустилась тьма, Джордж Райан почувствовал себя чуть лучше. Не было сумерек — прекрасного времени, когда день и ночь уравновешивают друг друга. На одно мгновение умирающие лучи солнца отразились в забрызганном водой стекле иллюминатора. Тени вытянулись и стали похожи на чьи-то длинные, острые зубы, и наступила темнота, да такая, что Джордж не мог разглядеть даже поднесенной к лицу руки. Единственный просачивающийся в каюту свет исходил от слабо освещенной палубы. За перилами царила кромешная чернота, как у черта в брюхе.

Абсолютная, неотступная тьма.

Джордж потер глаза и закурил сигарету. Со слов капитана Морзе и старого доброго Сакса, на следующий день, поздно вечером, они должны будут встать на якорь в Кайенне, Французская Гвиана. Сакс сказал, что ночь они могут провести в городе, но с первыми же лучами солнца должны будут приступить к работе и выполнить ее чертовски хорошо. Джордж решил пропустить ночь пьянства и разврата и просто отдохнуть в гостиничном номере на твердой сушке. Остальные могли бы и подождать, пока работа не будет сделана. Ему уже начало казаться, что два дня в море — не такое уж испытание. Если представить, что некоторые люди проводят в плавании месяцы и даже годы.

— Я мог бы остаться дома, — пробормотал он.

Какая-то часть его все еще этого хотела.

Но та же часть не беспокоилась насчет кредиторов, банки не кусали ее за задницу, у нее не было двух бывших жен, пускающих слюни на алименты. Ей не нужно было растить сына и выплачивать ипотеку, тратить чудовищные суммы на брекеты для ребенка и, естественно, ей не приходилось баражтаться в медицинских счетах за операцию на спине для третьей жены. Нет, та его часть плевала на все это с высокой колокольни.

Ее занимала только паранойя, тот тоненький, металлический голос, эхом отзывающийся у Джорджа в голове, непрестанно повторявший, что вся его затея — колossalный провал, одна большая ошибка, что надо было прислушаться к предостережениям разума, но теперь уже слишком поздно.

Джордж затянулся сигаретой и облизнул пересохшие губы.

Работу организовал Сакс, он же нанял команду. План был простой: к западу от местечка под названием Кау, неподалеку от реки Коунана, на окруженному джунглями Гвианском нагорье, был алмазный рудник. Принадлежал он в равных долях французской горнодобывающей компании и Франклину Фиску, тому самому Фиску из «Фиск Текнолоджис», электронному магнату из Майами, сколотившему состояние на литиевых батареях. Проблема заключалась в том, что у рудничного поселка не было своей взлетно-посадочной полосы. Продовольствие доставляли на грузовиках, что занимало несколько дней, и продукция транспортировалась точно так же. В сезон дождей дороги часто размывало, иногда до полной непроходимости. На восстановление дорожного сообщения уходили большие деньги, не говоря уже о потерях из-за многодневных простоев грузовиков, поэтому Фиск захотел построить взлетно-посадочную полосу — ежегодно это экономило бы миллионы, — доставлять по воздуху все необходимое и по воздуху же отправлять алмазы. Если на преодоление опасных джунглей у грузовиков уходило несколько дней, самолетам требовалась всего пара часов.

Так что смысл в этом был.

Сакс был строительным подрядчиком из Майами. В заявке на подряд он предложил самую низкую цену, получил работу и все устроил. Люди Фиска должны были ждать их в Кайенне с тракторными прицепами, чтобы загрузить тяжелую технику.

Также в лагере подготовили все необходимое оборудование и материалы. Сакс был там пару раз и все осмотрел. Прибыв в джунгли, они должны будут прорубить полосу. Каждый получит за это пятнадцать кусков, Сакс, естественно, больше. Шедрое вознаграждение за месяц работы, к тому же Сакс сказал, что на все уйдет не больше трех недель. Местным работникам, в основном чернокожим и индейцам, жилось не так хорошо: им платили сущие гроши.

Свои деньги Джордж уже потратил.

Пятнадцать штук — чистыми, без налогов — уйдут на оплату дантиста и большей части медицинских счетов. Лиза не хотела его отпускать. Ей не нравилось, что он будет бороздить открытое море на судне, груженном огромными бульдозерами и бочками с дизельным топливом, но деньги ее переубедили. Джейкоб, его сын, был в восторге от этой затеи: для него это равнялось приключению. Он хотел отправиться в плавание вместе с отцом. Какой мальчишка не захотел бы? «Привези мне что-нибудь, пап, — попросил он. — Знаешь, что-нибудь типа большой змеи или высущенную голову».

«Берегись крокодилов, — сказала ему Лиза накануне отплытия. — Я видела по телевизору: они едят людей».

«Ага, — подумал Джордж, — еще бы вспомнила про крокодилов из нью-йоркской канализации».

Джордж никогда не бывал в джунглях: он строил мосты и дороги в протоке Луизианы и на Флоридских болотах. Но, со слов Сакса, те места были такими же тропиками, как город Бойсе — первобытным зеленым адом Французской Гвианы, где водились пауки размером с кулак, ядовитые насекомые и змеи, росли ядовитые растения: это был густой, пропитанный испарениями зеленый мир, царство холеры и лихорадки денге, малярии и тифа. «Вы должны быть осторожны, — сказал Сакс, — потому что в джунглях всяческое случается: оводы могут отложить яйца даже в крохотную открытую ранку, огромные клещи захотят полакомиться вашей кровью, черви-паразиты заберутся под кожу, а кусачие москиты заразят тропической язвой, которая проест дыры в вашем теле... да, все это — часть прекрасной и таинственной природы центральной Французской Гвианы».

Джордж докурил сигарету, надел сапоги, дождевик и вышел на палубу. Ветер утих. Судно по-прежнему качало, но не так сильно, как раньше. Джордж уже почти к этому привык. Единственное, что его беспокоило, — это тьма. Непроглядная чернота. Живя в городе, забываешь, что такая ночь на самом деле. Настоящая ночь. Полное отсутствие света. Можно забыть про зрение, потому что оно бесполезно в беззвездной и безлунной ночи посреди океана.

Хотя Джордж уже легче переносил качку, он не решался пройти вдоль перил из страха перед лежащей за ними бездной. Она казалась ему странной и жуткой, гигантской, ненасытной братской могилой.

Когда он шел вдоль качают, на него снова накатило неприятное ощущение, глажущее чувство, что с кораблем что-то не так, и оно вцепилось в него ледяными когтями.

«Это всего лишь темнота, — успокаивал себя Джордж, — и море».

Может и так, но легче от этого не становилось.

Корабль его беспокоил.

Он никак не мог понять, в чем причина его тревоги. Морзе, капитан, казалось, хорошо знал свое дело, его помощники и команда тоже. Некоторые из них были любителями выпить — Джордж понял это по исходящему от них запаху виски и джина, — но назвать их пьяницами он не мог, во всяком случае пока. Они были обычными людьми, которым приходилось работать в сложных погодных условиях, — им необходима была пара глотков, чтобы согреться. Что в этом плохого?

Тогда, может, дело было в грузе?

В том, как он был уложен. Палубы были буквально забиты тяжелым оборудованием, предназначенным для расчистки в джунглях места под полосу: двумя большими бульдозерами «Кэт», парой желтых, блестящих грейдеров «Джон Дир», экскаваторами, фронтальными погрузчиками, дорожным катком. Идя по палубе, постоянно приходилось протискиваться между огромными ящиками с железобетонными формами, кирками и лопатами, клиньями и разравнивающими досками, запасными частями для машин.

Сплошной беспорядок.

«Хотя, наверное, — подумал Джордж, — это нормально. Каждый квадратный сантиметр на грузовом судне стоит денег, и приходится использовать его по максимуму, как кузов грузовика».

Чем больше он об этом думал, тем больше задавался вопросом: а корабль ли его беспокоит? Может, дело в чем-то еще? Что-то ждало его там, в море или в джунглях. Так или иначе, неприятное ощущение поселилось глубоко внутри.

Джордж отправился на корму, чтобы присоединиться к остальным. Ночь, казалось, стала еще темнее.

4

«Мара Кордэй» была семсотдвадцатифутовым контейнерным судном, работавшим на одновинтовой паровой турбине мощностью в тридцать две тысячи лошадиных сил. Водоизмещением она была в тридцать восемь тысяч семьсот тонн и при полной загрузке могла развивать скорость в двадцать два узла. У нее было семь грузовых трюмов и зона для особо опасных грузов в переднем отсеке. Хотя киль был заложен еще в начале пятидесятых, она подверглась масштабной модификации: были установлены современные компьютерные и навигационные системы. Экипаж составлял двадцать один человек.

Джордж Райан ошибался, думая, что с судном что-то не так. Оно хорошо держалось на бурных волнах, а по спокойному морю скользило как по маслу. Ни один моряк на борту не разделял его чувств. Все они ощущали у себя под ногами крепкое,

надежное судно. Если впереди и ждали неприятности, то связаны они были не с кораблем.

К семи вечера ветер поднялся до тридцати узлов, и судно стало идти с сильным креном. Что не вызывало удивления, если учесть перевозимый груз. На палубах — не протолкнуться, трюмы были плотно забиты бочками с готовым бетоном и ящиками с асфальтом, модернизированными дизельными двигателями, горными бурами, контейнерами со стальными балками и другими материалами, необходимыми в Кайенне.

«Мара Кордэй» твердо держалась на волнах, и, казалось, никакой ураган не смог бы ей помешать. Высокая, гордая и неутомимая, она была настоящей «рабочей лошадкой». Еще многие десятилетия она могла бы совершать рейсы, если бы не затаившееся на пути препятствие.

Нечто уже ждало своего часа.

5

В тот вечер они ужинали посменно: сперва капитан, его помощники и старший механик, затем экипаж в кают-компании, группами по четыре человека, наконец Сакс и его люди. Они сами выбрали есть последними, чтобы дать желудкам шанс привыкнуть к корабельной жизни. Еда была хороша: наваристое рагу из говядины с багетом и сконами, фрукты, бутерброды с толстыми кусками ветчины, яблочный пирог и мороженое на десерт. Морская жизнь была не по душе людям Сакса, но еда пришла по вкусу.

— Эй, Фабрини, — сказал Менхаус с набитым ртом, — как бы ты кастрировал южанина?

— Дал бы его сестрице ногой в челюсть.

За столом раздалось несколько смешков. Последние две недели мужчины много времени проводили вместе, и спустя некоторое время шутки Менхауса и Фабрини многих стали раздражать.

— Где моя баланда с сухарем? — спросил Джордж, усаживаясь за стол и наливая себе воды.

Сакс выпил соус с губ.

— Будь я проклят, — сказал он. — Разве это не Джордж Райан? Крутой ирландский сукин сын, который не страдает от морской болезни, в отличие от вас, сосунки?

— Да пошел ты, — огрызнулся Джордж.

Остальные — Сакс, Фабрини, Менхаус, Кушинг, Сольц и Кук — жадно поглощали пищу. Их желудки привыкли, и они обнаружили, что морской воздух разжигает аппетит. Джордж думал, что не сможет проглотить и кусочка, но теперь, увидев всю эту еду, он с жадностью на нее набросился.

— Эй, придурок, — рявкнул Сакс на Кука, — подай-ка нашему Джорджу немногого тушени! Он — последний из крутыш.

Фабрини хихикнул:

— Ага, крутой, как яйца Сольца.

Менхаус нашел шутку уморительно смешной. Его пузо заходило ходуном, и он хлопнул Сольца по плечу. Тот выплюнул морковку.

— Пожалуйста, — взмолился он. — Дайте поесть.

Все считали Сольца сплошным недоразумением. Он рано начал лысеть, носил очки, был белым, как снег, и пухлым, как младенец. Такого сложно представить за рулем экскаватора или катка. Живот у него был такой большой, будто Сольц проглотил пляжный мяч, но это был не жесткий жир, как за поясом у Сакса, не «спасательный круг», как у Менхауса, который тот носил с гордостью, а мягкое, дряблое пузо. С задумчиво-виноватым лицом, аллергией и полными розовыми губами (которые он всегда смазывал бальзамом), Сольц больше походил на мальчика для битья или на ребенка, которого самым последним выбирают в команду.

Он просто не вписывался в их компанию.

— Да, оставьте маменькиного сынка в покое, — сказал Фабрини.

— Сакс, я что, должен это терпеть? — спросил Сольц.

— Ага, терпи таких больших плохих мужиков, как мы, — усмехнулся Менхаус.

— Так, хватит, — рявкнул Сакс. — Оставьте его в покое, педики.

Джорджу даже стало жалко парня. В подобной компании нужно уметь постоять за себя, отвечать уколом на укол, а не принимать все близко к сердцу.

— Скажи, чтобы они подцеповали тебя в задницу, Сольц, — посоветовал он.

Кук подтолкнул к нему поднос с рагу. Это был худой парень с тонкими чертами лица и мягкими светлыми волосами. Он говорил мало, и остальные, с их пролетарской восприимчивостью, редко понимали, что Кук имеет в виду, но это его не волновало: он уже получил свою порцию дерьяма и, казалось, находился в постоянном воссторге от «школьного» менталитета окружающих, никогда не улыбался и не хмурился, просто принимал все таким, какое оно есть.

— Ешь давай, крутыш, — сказал Сакс.

Фабрини ухмыльнулся:

— Если еще голоден, могу дать тебе кое-что пососать.

— Я тогда точно с голоду помру, — ответил Джордж, и все расхохотались. Даже на суровом лице Кука мелькнуло подобие улыбки.

Закончив с едой, Сакс оттолкнул от себя поднос и рыгнул:

— Лови подцепутик, Фабрини. — Он закурил сигару. — Набивайте пузо, парни, и хорошо отдыхайте. Когда попадем в джунгли, вы будете вкалывать от рассвета до заката, иначе скормлю ваши задницы крокодилам.

Еще пара колкостей пролетела в направлении Сакса. Он смеялся вместе со всеми. Иногда остальные не знали, что о нем думать, никто не был уверен, пустобрех он или серьезный человек. Он был высоким и крепким, похожим на цементную плиту, с мускулистыми руками в татуировках и бочкообразной грудью, с загорелым,

обветренным лицом и бледно-голубыми глазами навыкате. Несмотря на то, что ему было уже почти пятьдесят пять, он продолжал красить редеющие волосы и жесткие, как щетка, усы в черный цвет. Он съездил в составе инженерно-строительных частей ВМС в две командировки во Вьетнам, где под шквальным огнем расчищал пляжи и прокладывал взлетно-посадочные полосы. Вскоре после этого Сакс основал собственную подрядную организацию, работал по всей Центральной и Южной Америке, прокладывал дороги через джунгли, строил лагеря и железнодорожные станции.

Для себя Джордж решил, что Сакс — тот еще кретин. Подозрения насчет него закрались с первых минут знакомства, а когда они все накануне отплытия напились, Сакс начал хвастаться своими подвигами и пугать остальных, и подозрения Джорджа только укрепились. Последней каплей стали отжимания на одной руке от барного пола.

Постепенно разговор перешел от общих оскорблений и обсуждения сексуальных предпочтений чужих матерей непосредственно к Французской Гвиане. Саксу было что сказать на эту тему. Он рассказал им о пресловутых исправительных колониях, которые построило там французское правительство. Самая известная называлась «Остров Дьявола». Большинство сбежавших оттуда плеников либо тонули, либо становились жертвами акул. Те немногие, которые добирались до берега, вынуждены были прорубать себе путь через сотни миль первобытных джунглей к реке Марони, которая отделяла Французскую Гвиану от Датской, называющейся ныне Суринам. И пересечь эту бурю от грязи реку было ничуть не легче, чем переплыть залив, отделяющий «Остров Дьявола» от основного массива суши

— Она кишила пираньями, — сказал Сакс. — Арестантов обгладывали до костей прямо на глазах у датских солдат, которые расположились у реки.

— Напомните мне, чтобы я оставался на суше, — пробормотал Джордж.

— Ты был там, куда мы направляемся? — спросил Менхаус.

Сакс вынул сигару изо рта, посмотрел на тлеющий кончик.

— Один раз, десять лет назад. Мы строили мост через реку Мара. Это к западу от того места, куда мы направляемся.

— Ну и как там было? — спросил Фабрини.

— Как в ад, вот как. Мы были глубоко в джунглях. Повсюду болота. Москиты и мошки наскрывают тебя как одеялом. Мужики смеялись над жучинным соком, который мы принесли с собой. Через некоторое время нас так закусали, что мы стали обмазывать лица и руки грязью, как нанятые нами местные. Но это не отпугивало ни пиявок, ни чертовых змей.

— Змей? — ахнул Сольц. — Я не люблю змей.

— Он не любит длинные, болтающиеся штуковины, — сказал Фабрини. — Они напоминают ему то, чего у него нет.

— Я более чувствителен к определенным вещам, чем вы, — попытался оправдаться Сольц, но Фабрини на это лишь закатил глаза.

Сакс проигнорировал их перепалку:

— На третий день из-за укуса змеи мы потеряли человека. Он был из местных, рубил в джунглях дерево для опор. Его укусил бушмейстер. Большой ублюдок,

футов десять, наверное. Выполз из норы в грязи и укусил парня в лодыжку. Мы вкололи местному противоядие. Не помогло. Через двадцать минут он умер.

— К черту! — сказал Фабрини. — Ты ничего не говорил о подобном деръме!

Остальные побледнели, как Сольц, который стал на тон темнее свежих сливок.

— Можешь в любой момент повернуть назад, — сказал Джордж Фабрини.

— В реке водились водяные змеи. Пару парней они укусили, те заболели, но все обошлось. После смерти первого парня мы стали очень осторожны. По крайней мере, мы так думали, пока не погиб Томми Йохансен, — неторопливо рассказывал Сакс, на его лице впервые появилось какое-то подобие эмоции.

— Что случилось? — спросил Менхаус. — Тоже змей?

— Крокодил. Никогда не забуду. — Сакс выдохнул облако дыма. Слышно было лишь вой ветра, шум разбивающихся о нос волн и гул турбин. — Я всякое в жизни повидал. Во Вьетнаме у меня даже была ручная змея, пятнадцатифутовый питон, послушный, очень кроткий. Он у меня отгонял крыс от лагеря. Потом стащил ребенка у какой-то шлюхи, которая оставила того одного, а сама ушла сосать члены. Я видел, как вьетконговца поймал тигр. Мы просто смотрели, как тот рвет на куски этого болвана. А потом под наши аплодисменты он утащил узкоглазого в джунгли. Тигр был на нашей стороне. В Парагвае я видел, как одному парню ягуар дал когтями по лицу, ослепил его. Я наблюдал за тем, как домашний питбуль падает в Амазонку и пираньи превращают его в фарш. В Боливии я даже один раз видел, как одного мексика закусали до смерти пчелы. Но все это ни в какое сравнение не идет с гибелюю Томми Йохансена. Мы с Томми много лет строили вместе доки в Рио и Сальвадоре. Были хорошими друзьями. Однажды, во время работы над чертовым мостом, один из местных упустил плот и тот понесло вниз по реке. Томми взбеленился. Он схватил этого парня за ухо, подвел к воде и заставил плыть за плотом. Я видел, что потом случилось. Крокодил был, наверное, футов в двадцать — двадцать пять длиной, больше, чем гребаный холодильник. Злобный ублюдок. Зубы как железнодорожные кости. Он выскоцил из воды, из грязной, коричневой, как деръмо, воды... — Голос Сакса дрогнул, и ему пришлось ненадолго замолчать. В его глазах стояли слезы. Он медленно вздохнул.

— Гребаная ящерица у всех на глазах схватила Томми за пояс. Мы услышали, как затрешали кости. Кровь хлынула во все стороны. Томми все кричал и кричал. Местные кричали. Кажется, я тоже кричал. — Он облизнул губы. — Томми был здоровенным парнем. Шесть футов пять дюймов ростом, и триста фунтов весом. Сплошные мускулы. Но для того гребаного крокодила он был все равно что тряпичная кукла. Зверюга мотала Томми туда-сюда, пока у него не кончились силы. Когда мы спустились к реке, крокодил стащил Томми в воду. Я видел, как он утянул его на глубину, как руки Томми несколько раз дернулись, как будто он с нами попрощался.

Все молчали. Спустя минуту Джордж спросил:

— Вы нашли его?

— Нет, не нашли, только его шляпу. Тот крокодил больше не возвращался.

— Не хочу, чтобы меня съели, — проворчал Менхаус.

— Я тоже, — сказал Фабрини. — К черту.

— Это был кайман, — проговорил Кушинг. — Наверное, кайман. Большой черный кайман.

— Знание названия не вернет парня, — заметил Кук.

Все смотрели на него не отрываясь: они впервые услышали от Кука нечто отличное от ответа на прямой вопрос. Логика его замечания заставила всех замолчать.

— Да, точно, кайман. Должно быть, он, — наконец произнес Сакс. — Может, там, куда мы направляемся, не будет так плохо, не будет ни крокодилов, ни гребаных кайманов. Только остерегайтесь змей. От насекомых есть спрей. Там достаточно безопасно. Просто будьте осторожны.

— Так ты поэтому нам все это рассказываешь, Сакс? — спросил Кушинг. — Чтобы мы были осторожны?

— Да. Джунгли — это первобытный мир, помните это. Хозяева там не вы, а сами джунгли. Лучше проявляйте к ним уважение, потому что они уж точно не будут проявлять его к вам.

— Что-то мне как-то нехорошо, — сказал Сольц. Он отодвинулся от стола и выскочил за дверь, оставив ее открытой. Под напором ветра она ударила о переборку.

Вскоре появился старший помощник капитана, Гослинг:

— Задраивайте за собой люки, мать вашу, иначе скромлю вас рыбам.

Он захлопнул дверь и исчез.

Менхаус и Фабрини вышли за ним следом, жалуясь на работу, на жизнь и на природу в целом. Кук молча выскользнул за дверь. Остались только Кушинг, Джордж и Сакс.

— Нужно немного поспать, — сказал Кушинг.

— Ага, — согласился Джордж, отодвигая поднос с наполовину съеденным ужином. Аппетит у него снова пропал. Его тошнило.

— Ты идешь, Сакс?

— Нет. Я, наверное, останусь, помяну друга.

Кушинг и Джордж стояли, не зная, что сказать.

Сакс поморщился:

— Чего вам надо? Валите с глаз долой!

И они ушли, оставив его в одиночестве.

6

Гослинг облизнул обветренные губы и закурил трубку.

Что-то было не так.

Он стоял перед рулевой рубкой, его взгляд блуждал по палубе. Она была